

Людмила Старикова

Документальное расследование 270 лет спустя*

Аренда, субаренда и «рейдерский захват»
здания театра «Немецкой комедии»
в Москве 1750-х гг.

История немецкого театра в нашей стране (Московии, Руси или России) началась три с половиной столетия назад. Более того, он появился в Москве даже раньше русского, прежде него, и участвовал в рождении первого придворного театра на Руси в конце XVII в. (1672 г.); затем во времена Петра I (в 1702-м) послужил основанием для организации в Москве первого публичного театра; а в середине XVIII столетия способствовал профессионализации русских городских любительских трупп, так называемых, «охотников», явившихся последней полупрофессиональной ступенью к Учреждению в 1756 г. в Петербурге русского национального государственного театра.

История же собственно театра «Немецкой комедии» в России в эпоху Елизаветы Петровны началась в 1742 – в сентябре, когда императрица находилась во время коронационных праздников в Первопрестольной, – Сенатом была подписана привилегия «немецкой банды камедианту Зихмунду з женою ево Елисаветою» на содержание комедий в Москве и Петербурге, а также в Риге, Нарве, Ревеле и Выборге¹ (то есть немецкоязычных городах).

Появление в нескольких городах Российского государства, а особенно в обеих столицах «Немецкой комедии» – постоянно действующего, а не эпизодически наезжающего, как ранее, и дававшего спектакли не в случайных и плохо оборудованных помещениях, а стационарного, публичного профессионального городского театра – имело огромное значение для развития русской театральной жизни. Зрителем спектаклей этой «вольной» труппы мог стать любой желающий, включая крепостных дворовых людей, лишь бы платили за вход. В течение 40-х и в начале 50-х гг. XVIII в. «Немецкая комедия» завоевывает необыкновенную популярность среди широких слоев российской публики вплоть до самых «низов».

Репертуар «Немецкой комедии» был таким же, как и у многих небольших «вольных» трупп и зрелищных иностранных предприятий, но отличался бóльшим разнообразием. Он состоял из небольших пьес или импровизированных сенок в духе комедии дель арте, которые были понятны широкой аудитории, так как не требовали обязательного перевода, а персонажи и их характеры были уже достаточно знакомы русской публике. Представления «приправляли» всевозможными зрелищными элементами: музыкальным и вокальным сопровождением, акробатикой, выступлением дрессированных животных, механическими и оптическими «чудесами», куклами (часто в виде автоматов в человеческий рост), иллюминациями и фейерверками. Когда же немецкие актеры хотели снискать у русской публики особенный успех, они исполняли некоторые эпизоды или сценки на русском языке, присовокупляя и русские песни с танцами². А когда давались представления сложные для восприятия и понимания текста и зашифрованного аллегорического смысла, спектакль для русского зрителя снабжался печатной программой-переводом³.

---

* Документы публикуются в орфографии подлинника, пунктуация, зачастую отсутствующая в них, приближена к современной.

Бродячая немецкая труппа I половины XVIII в.

Первым из двух столичных городов театральное здание «Немецкой комедии» отстроилось и открылось в Москве (ок. 1744 г.); в Петербурге – в 1745 г.⁴

В данной статье собраны документы, повествующие о непростой судьбе здания (театра) «Немецкой комедии» в Москве, в частности в 1750-е гг. Эти документальные свидетельства красноречиво описывают существование в старой столице нового для ее общественной жизни элемента – «вольного» театра (то есть частного, не относящегося к системе придворных театров и не финансируемого государственной казной).

В 1749 г. привилегию на функционирование немецкого театра в двух российских столицах и немецкоязычных городах получил (после умершего в 1747 г. И.К. Зигмунда) актер и антрепренер П.И. Гильфердинг. Однако в этот момент «Немецкая комедия» начала постепенно терять своего русского зрителя, так как появившиеся любительские русские труппы, так называемых «охотников» (от выражения: «охота пуще неволи»), разыгрывавшие на святки и масленицу «русские комедии», перешли в полупрофессиональную фазу своей деятельности⁵, (официально связанной с публичностью). Они перетягивали русского зрителя на свои представления и Гильфердинг, сосредоточив выступле-

ния немецких актеров на петербургской сцене «Немецкой комедии», московское здание своего театра решил сдать в аренду.

В Москву же в Полицмейстерскую канцелярию из Сената было при-слано сообщение: «1750 году февраля 20 дня, вторник. № 14. По указу из Правительствующего Сената и, при том, какова, по имянному Ея Императорского Величества от сентября 12 дня 1749 году указу немецкой комедианской банды содержателю Панталону Петру Гильфердингу: в представлении ему комедий и оперов в Москве, Санктпетербурге, в Нарве, в Ревеле, в Риге и в Выборхе – *привилегия* [курсив мой – Л.С.], за подписанием Правительствующего Сената дана – со оной прислана точная копия»⁶.

В начале 1750 г. Гильфердинг, отъезжая из Москвы в Петербург, сдал 28 января театр (вероятно, на год) московским «охотникам» из купцов, которые объявили об этом (как и было положено) в Полицмейстерской канцелярии: «1750 году февраля 20 дня, вторник. №15. По челобитью второй гильдии купцов Василья Саврасова, Алексея Киселникова, коим объявляют: сего де 750 году генваря 28 числа сняли они в 9 команде за Красными вороты за земляным городом у комедианта иноземца Петра Иванова сына Гильфердина комедианской дом для смотра и осторожности [от пожара – Л.С.], и для игранья Российской комедии до прибытия ево, Гильфердина, из Санктпетербурга в Москву. О чем оной Гильфердин с ними заключил контракт, почему де они намерены играть тою Российскую комедию, токмо без объявления московской полиции играть они опасны. ПРИКАЗАЛИ: во оной – игранью комедии – означенных Саврасова и Киселникова допустить. А притом обязать их подпискою, чтоб они богомерзких актов и во образех священнического и монашеского чина действия не имели; и шуму, и драк у них не происходило. И о том в команду [полицейскую – Л.С.] послать приказ»⁷.

Эти купцы в конце 1750 г. пересдали комедиантский дом в наем студентам (духовной академии): «1750 году ноября 29 дня. № 3. По объявлению второй гильдии купцов Василия Саврасова, Алексея Киселникова, коим объявляют: имеетца у них комедиальной дом, состоящий у Красных ворот, которой сего ноября 1 дня договорился у них нанять для игранья комедии ведомства Святейшаго Синода студент Иван Фрязин да словесной [славяно-греко-латинской – Л.С.] академии студент ж Леонтий Соловьев, генваря до 8 числа 751 году⁸ ценою за сто рублей. И в задаток оной Фрязин дал десять рублей, а в достальных обещал дать добрые поруки. И, забрав ис того комедиального дому платья

на сорок рублей, свез в дом свой. И того платья, тако ж и денег не отдает. И просил[и], чтоб оногo Фрязина, сыскав, допросить, а платья их возвратить. ПРИКАЗАЛИ: оногo Фрязина сыскать и в вышеписанном допросить, и доложить»⁹.

Студенты Иван Фрязин и Леонтий Соловьев 10 декабря 1750-го подали в Московскую полицмейстерскую канцелярию свое челобитье, которым просили: «<...> о сыску второй гилдии купцов Василья Саврасова и Алексея Киселникова и о допросе их: о недопущении [Фрязина и Соловьева – Л.С.], по данному от них оным купцам контракту, в камедианном доме за Красными вороты к ыграницю камеди; и о запрещении к ыграницю других людей, до решения о том дела. Которой контракт в Московской полицы в записке не имеетца»¹⁰.

21 декабря 1750 г. Полицмейстерская канцелярия разбирала челобитье студентов, в котором они на вышеобъявленных купцов «просили [то есть жаловались – Л.С.] в недопущении оными купцами их – студентов для игранья комеди в камедианской дом, которой состоит за Красными вороты, отданной оными купцами им, студентам, в наем минувшего ноября с 1 числа генваря по 8 число предбудущаго 751 году, с принадлежащими вещьми, и с платьем за сто рублей. И в задаток те купцы приняли у них десять рублей, а в досталных дали они, студенты, им вексель с порукою, в чем дали оные купцы им, студентам, контракт. И по принятии оными студентами у тех купцов того дому, издержали они, студенты, на всякие к комедии припасы и на починку платья, и прочее больше ста рублей. А ныне купцы тот дом отдали другим наемщикам. И по резолюции Московской полицы оные купцы сысканы и допросами показали: что оной де камедианской дом отдан в смотрение и охранение им, Саврасову и Киселникову, от главного камедианта иноземца Петра Гилфердина по заключенному контракту, за отбытием оногo камедианта из Москвы. Которой контракт в Московской полицы и объявлен. И договорились было они оной дом в наем отдать показанным студентам за сто рублей до срока по 8-е число 751 году, и в задаток взяли денег десять рублей, а в досталных взяли вексель. И еще обещали они, студенты, дать им в уплату вскоре дватцать рублей, которые денги оные студенты им не отдали. Тако ж и в том векселе обещали дать поруки от купечества на срок минувшего ноября к 25 числу, токмо тех порук они не дали ж, чему они, Саврасов и Киселников, стали быть невероятны, и стали в том доме комедию играть сами, а другим в наем никому они того дому не отдавали. А в недаче порук по векселю,

по данному от них, Саврасова с товарищем, в Московской полиции объявление, чего ради тем студентам оной Саврасов с товарищем того дому от игр отказали. ПРИКАЗАЛИ: объявленную комедию содержать, по силе прежнего, данного от Фрязина и Соловьева купцам Саврасову и Киселникову контракту, им, Фрязину и Соловьеву, взяв у них в прибавок добрых порук, до надлежащего в том контракте сроку; ибо они, Саврасов и Киселников, допросами и сами показали, что они контракт им, Фрязину и Соловьеву, дали и в задаток взяли у них денег десять рублей. Что же оной контракт явился не записан, и за оное с оных, Саврасова и Киселникова, взыскать указные пошлины по указу. А, чтоб во время игры никаких драк и олярмов не производилось, и о том означенных Фрязина и Соловьева обязать подписками. По взыскании пошлин, оных Саврасова и Киселникова, свободить с росписками, а в команду к афицерам послать приказ»¹¹.

В самом конце 1750 г. – 27 декабря – в Москву пришел указ из Главной полицмейстерской канцелярии [из Петербурга – Л.С.] о том, что Гильфердинг передал театр «Немецкой комедии» своему поверенному лицу [иностранцу «московскому купцу», то есть предпринимателю] Ивану Иозефу Киммерлингу Фрибургу. [то есть из города Фрайбурга – Л.С.], уполномочив его «в отдаче одного дому желающим внаймы и для игранья комеди». В указе оговаривалось, чтобы «по силе, данной ему, Илфердингу, привилегии – воспрещения не чинить»¹².

Однако в начале января 1751 г. Киммерлинг попасть в театральное здание «Немецкой комедии» не смог, о чем подал в Полицмейстерскую канцелярию жалобу: «<...> в отданной де ему комедианской дом, состоящей у Красных ворот, для игранья комедии, иноземец Иван Палм не допускает незнаемо для чего, и играют московские купцы, а как зовут, не знает, *ким отдан тот дом от того Палмы* [курсив мой – Л.С.]. И оные купцы, наняв фабричных, хотели ево, Киммерлинга, бить и бранили при свидетелях, и, приставленные от съезжего двора десяцкие, отбили [то есть спасли от побоев Киммерлинга – Л.С.]. И просил: чтоб оного Палму и купцов, кои играют, сыскать и за оное учинить по указам. А в тот дом для игры их не допускать, а допустить ево, Киммерлинга, или кому от него, Киммерлинга, отдастся в наем. И поставить караул от полиции. ПРИКАЗАЛИ: в девятую команду послать приказ, по которому оных Палму и купцов, кои играют в том дому, в Московскую полицию, сыскав, прислать немедленно. А в тот комедианской дом для игры комеди им, или кому от них отдано в наем, не допускать, а допускать означенного

Кимерлинга, или кому от него отдастся в наем, и в том им воспрещения не чинить»¹³.

Полицмейстерской канцелярии удалось-таки «сыскать» виноватых и восстановить Киммерлинга поверенным (от Гильфердинга) в сдаче театра в наем, так как в августе он просил, «чтоб, содержащегося в московской полиции третьей гильдии купца Василия Павлова [то есть Павлова сына – Л.С.] для взыскания с него долговых денег, отослать в Московскую большую таможню»¹⁴. Этим купцом являлся, вероятно, Василий Саврасов, который не расплатился с Гильфердингом за свою аренду, но продолжал пользоваться ею, и, может быть, еще и перепродал ее иностранцу Палму. Что касается самого Киммерлинга, то он также был весь в долгах, в том числе он задолжал и Гильфердингу 200 руб. «на срок декабря 12-го»¹⁵ [1751 г. – Л.С.]. Поэтому Киммерлинг старался покрыть долги за счет представлений на святки этого 1751 г., о чем он заявил в полицию: «1751 году декабря 24 числа. № 12. По объявлению Де Камерлинга, которым объявляет: по указу, присланному из Главной полиции, велено ему смотрение иметь над комедиею во время действия, которая состоит у Красных ворот. А понеже, ныне по наступающим праздничным дням, декабря з 25-го генваря по 8-е число будущего 1752 году, имеет в вышеписанном доме *производитца комедия* [курсив мой – Л.С.], и просил, дабы от зрителей той комедии, а паче от приезжающих с ними людей [то есть слуг – Л.С.], в том доме не происходило какого шума или драки, для караула в том доме капрала да десять человек солдат командировать»¹⁶.

Но то ли Киммерлинг так и не расплатился с Гильфердингом за предыдущий год аренды, то ли владелец немецкого театра не был доволен тем, как велись дела, только в начале 1752-го Гильфердинг передал свой комедиантский дом в Москве вместе с привилегией «на комедии и оперы» другому арендатору – комедианту-шпрингмейстеру, т.е. акробату-прыгуну. Об этом был прислан в Москву из Петербурга указ, который Полицмейстерская канцелярия рассматривала в Великий пост: «1752 году марта 23 числа, недели страстные понедельник. № 6. По указу из Главной полицмейстерской канцелярии, по которому велено: комедианту Ягану Фердинанду Верцелиусу, в силе данной комедианту Петеру Эльфирдингу привилегии, в произведении комедии воспрещения не чинить, только при том смотреть накрепко, дабы во время комедии никаких непристойностей и противных указом игр и драк не было. ПРИКАЗАЛИ: о получении оного указа в Главную полицию репортовать,

а означенному комедианту Фердинанду Верцелиусу в произведении комедии воспрещения не чинить; а в команду, в которой она комедия производитца будет, к афицерам послать приказ, по которому накрепко смотреть, дабы во время комедии никаких противностей и противных указом игр и драк не было»¹⁷.

Однако прежние арендаторы и субарендаторы расставаться с театром не хотели. Театральное здание оказалось в ту пору «лакомым куском» и для русских актеров-«охотников», желавших играть в нем «российские комедии» (какими были Фрязин с Соловьевым и прочие¹⁸), и для временных владельцев его – доверенных иностранцев, желавших получать прибыль от сдачи театра в аренду. При этом конфликтовали между собой и иностранцы-арендаторы, и русские купцы-субарендаторы, и актеры-«охотники»; и все они жаловались в полицию на побои, нанесенные конкурентами или нанятыми людьми. Участие в «разборках» принимало достаточно большое количество людей, включая самых титулованных забияк и буянов, с жаром бросавшихся в драку. В Журналах Присутствия московской полиции описаны бесчинства «шайки русских князей» (иначе это никак не назовешь):

«1752 году мая 16 дня, суббота. И во время Присудствия, слушав дел, приказали следующее: № 1. По объявлению первой гилдии купца Ивана Кеммерлинга, коим объявил о приходе в дом ево, обстоящей в Немецкой слободе лейб гвардии сержантом князем Борятинским с князем Прозоровским и Позняковым, да архитектора, а рангов и имян их он, Кеммерлинг, не знает, со многолюдством людьми своими, пьяным образом, и вломлени тем князем Борятинским с людьми своими в сени и в спальную горницу, причем де хотели жену ево убить до смерти; и в приходе им, князем Борятинским, в спальню и в выбивании им же, князем Борятинским, з гайдуком своим шпагою все оконницы, коих цена дватцать рублей. И просил [Кеммерлинг – Л.С.], чтоб оного князя Борятинского людей и гайдука, сыскав, учинить по указом. ПРИКАЗАЛИ: объявленного князя Борятинского гайдука и людей ево, забрав, и во оном допросить и доложить»¹⁹.

К князю с допросом, как видно из документов, не приступали, опрашивали «людей его» (т.е. крепостных): «А сысканныя лейбгвадии Семеновского полку сержанта князь Степана княж Андреева сына Борятинского люди: Федор Иевлев, Алексей Иванов допросами показали, что де они того числа з господином своим с двора не ездили, а поехал з господином их с двора гайдук Гаврила Григорьев; и где тот господин

Немецкий комический персонаж «Ганс Вурст»

его был и вышеписанное производилось, не знают. ПРИКАЗАЛИ: гайдука, сыскав, допросить и доложить»²⁰.

Наконец, через месяц после происшествия, 16 июня «<...> и оной гайдук Гаврила Шадрин сыскан, и допросом показал, что де оной господин ево ни с кем в дом одного Декеммерлинга не приезжали, и в сени, и в спальную горницу не ломались, и жену ево убить не хотели, и оконницу не выбивали, и не бранили, и, кто то чинил, он не ведает, ибо де он, Шадрин, того числа з господином своим имелся быть до отдачи дневных часов в доме, а потом при оном господине своем ездил к князь Александру княж Иванову сыну Мещерскому и, быв у него, возвратились паки в дом свой; и более де одного, нигде они не были. ПРИКАЗАВЛИ: одного князя Борятинского людей и гайдука отдать в дом одного князя Борятинского с роспискою, взяв приводные денги. А по делу, о чем, кому надлежит, ведатца судом»²¹.

Досталось и другому иностранцу-арендатору, жалоба которого разбиралась в июле 1752 г.: «По производившемуся в Московской полицы делу, а по присланному от 9 команды репорту, при котором сообщено от иноземца Ивана Палма объявление о бою ево в доме московского купца Степана Соколова, в коем он жителство имеет, обстоящем в девятой команде близ Красных ворот, князь Степаном Андреевым сыном Борятинским да князь Александр Ивановым сыном Мещерским с людьми

своими, и в бою ж помянутого Палма оного Мещерского егарем, а как ево зовут, не показано. А сысканныя люди, то есть секретаря Александр Мещерского, Леонтей Соколов, Митрофан Литвинов, да находящейся во услужении лютерского закону иноземец Иван Иванов, да Борятинского; Федор Иевлев, крестьянин Григорей Лазарев допросами, в бою объявленного иноземца Палма и во всем, запирались. Но токмо из оных, хотя князя Мещерского иноземец Иван Иванов и показал, что де оной князь Мещерский обще с помянутым князем Степаном Борятинским да человеком ево, а как зовут не знает, объявленного иноземца Ивана Палма, приехав в дом ево, били, а за что, о том он не знает; а егарь Михайла Михайлов ево, Палма, бил ли чем, того он не видал. Однако уже оной иноземец Палм скаскою показал, что он на объявленного князь Александра Мещерского с людми ево, как ныне, так и впредь, *по оному делу не челобитчик* [курсив мой – Л.С.] ПРИКАЗАЛИ: содержащихся по оному делу людей: то есть, князя Мещерского, за поданною от вышеписанного иноземца Палма скаскою, которою показывает, что он на него с людми ево не челобитчик, тако ж и помянутого князя Борятинского, на которых приличества в бою того Палма не сыскалось, да и оной Палм не толко доказателство на запирательство, но уже и ходатайства за тем делом, то есть июля з 23 числа, не имеет, взяв приводные денги, отдать в помещиковы дома с роспискою»²².

Только в ноябре 1752 г. по указу, присланному из Главной полиции, постановили: «директора Петра Гилфердина камедианской деревянной дом, по желанию ево, взяв от купца Фрибурха, отдать в смотрение камедианту Верцелиусу; а о взятых с российских камедиантов денгах пяти стах рублях, ево, Фрибурха, спросить, и ежели те денги их подлинно взяты, то за зачетом за ево труды, что надлежит, отдать показанному директору Гилфердингу; а, буде он, Фрибурх, в тех денгах будет запирается, в том им между собою ведатца судом, где по указам надлежит»²³.

Однако Киммерлинг (Фрибург) сам ответствовать уже не мог, как выяснилось из документа полиции: «1752 году ноября 13 дня, пятък. № 36. По челобитью первой гилдии купца Ивана Николаева сына Балка, коим объявляет: по присланному де из Главной полицымейстерской канцелярии в Московскую полицию указу, велено московского купца Ганца Иосифа Кеммерлинга Фрибурха о содержании им камедианского дому, что за Красными вороты, допросить, токмо означенной Фрибурх ныне имеетца болен [возможно, и вследствие побоев – Л.С.], а поручил

ему [т.е. Балку – *Л.С.*] от себя верующее письмо, и в чем надлежит ответить по тому делу ему, Балку»²⁴.

Насколько Балк смог ответить за Киммерлинга осталось неизвестно, но за свою помощь и участие в его деле Балк горько поплатился, о чем он вынужден был бить челом в полицмейстерскую канцелярию: «По челобитью первой гилдии Московского купца Ивана Николаева сына Балка, которым объявляет: сего де марта 19 числа поутру влямились к нему в дом незнаемо какие люди человек з дватцать и, вытаща ево на улицу, сказали, что они подкуплены от прапорщицы, Фрибурховой бляди, ево, Балка, до смерти убить. С которой де страсти, дабы он убит не был, дал он тем людям денег, сколко при нем было. А при оном де многолюдственном разбойном нападении те люди пограбили у него, Балка, разных вещей по цене на сто на восемьдесят на пять рублей. И просил, чтоб означенную Фрибурха блядь сыскать и, почему она у него живет, и каких людей имянно к нему, подкупя, присылала, и не было ль умыслу к убивству ево – допросить»²⁵.

А законный поверенный Верцелиус еще и в декабре 1752 г. не мог пользоваться зданием театра и просил полицию «о сыску второй гилдии купца Алексея Носова и товарища ево Сергея Григорьева, и о допросе в обмане ими отдачею ему, Верцелиусу, комедиантского дому»²⁶. Когда же, наконец, в начале 1753 г. Верцелиус получил в свое распоряжение театр, то справляться с самобытными нравами некоторых московских зрителей, желавших смотреть «комедию» безденежно, без помощи полиции оказался не в состоянии: «По челобитью шпрингмейстера Иоганна Фердинанда Верцелиуса, которым объявляет: сего де февраля 7 дня 1753 году во время начатия комеди, пришед Главной полицы караулный ундер афицер, и насилно хотел ийти в ложу Ея Императорского Величества²⁷, но он, не допуская ево до входу во оную ложу, сказал чтоб он шел в другое место. Однако он не пошел и, присланной от Главной полицы солдат, вывел [караульного – *Л.С.*] вон. А 8-го числа февраля означенной сержант прислал к стоящему у збору денег человеку ево Ивану Элери, бывшего тогда с караулными солдатами, капрала с тем, чтоб пропустить двоих дежурных офицеров. Которому тот человек сказал, что они не дежурные (а из них один архитектуры ученик Иван Малхов), и в комедию не впускал. Тогда означенной Малхов того ево человека, бив по щекам, ушел, и потом привел с собою незнаемо каких людей двенадцать человек, в том числе и вышеписанного сержанта, и означенного ево человека били смертно, и хотели сечь плетьюми; да отбили стол с

денгами и, бив, разбежались. Оной же де караульной капрал на дворе у народу збирает денги и берет от них заклады, и пропускает в комедию. Тако ж и солдаты по ево слабой команде своевольно пропускают же. И просил [Верцелиус – Л.С.], чтоб о вышеписанном изследовать, а ево, Верцелиуса, снабдить указом таким же, каков дан в 1749 году немецкой банды директору Гилфердингу»²⁸.

Нужно отметить, что шпрингмейстер Верцелиус за два года театральной жизни в Москве научился и сам расправляться с тем, с кем не поладил. Так в декабре 1753 г. на него поступила жалоба в полицию: «По челобитью Азовского полку прапорщика Федора фон Андрена [Фрибурга, т.е. родственника Киммерлинка – Л.С.] о приходе к квартире ево ночным временем комедиантов Верцилиньо и купцов Фатьяновых со многолюдством и бою ево, и протчих, причиненных ему обидах; и просил, чтоб за то с ним, Верцилино и товарищи ево, учинить по указам. ПРИКАЗАЛИ: оного Верцилино сыскать и против оного челобитья допросить, и доложить»²⁹.

В орбиту событий вокруг театра «Немецкой комедии» были втянуты многие московские жители: и зрители – любители театральных зрелищ, и любители буйных дебошей, подчас весьма знатного происхождения, ищущие повода для рискованных затей и «жестоких игр». В Москве существовали какие-то группировки, поддерживающие того или иного арендатора, или ту или иную труппу «охотников», игравшую или желавшую играть в этом театре. Пока нельзя сказать ничего определенного об этом, но, несомненно, кто-то подбивал «фабричных» к побоям (как в случае с Киммерлингом), а кто-то, по чьему-то подговору или личной инициативе (как князь Борятинский со своими холопами и др.), врывался «со многолюдством» в дома «противной стороны» и устраивал побоища (как свидетельствуют многочисленные документы). Притом это действие являлось для его участников развлечением, иногда театрализовано-маскарадным, во время которого князь Борятинский и его спутник Лопухин переодевались в одежды бурлаков³⁰, (может быть для того, чтобы не быть узанными и уличенными в побоях невинных иностранцев, либо, чтобы естественнее чувствовать себя в данной «роли»). Через двадцать лет А.П. Сумароков скажет: «А какова здешняя публика, это уходит от изображения самого Аполлона, ибо все улицы в Москве невежеством вымощены толщиною аршина в три»³¹. А через тридцать лет автор «Драмматического словаря...» напишет: «Кто же похвалит веселия пружних веков? Они дирались со зверьми, боролись

между собою до убийства, почитая то геройством; кулачные бои бывали лучшим позорищем»³². На театр и «комедию» (то есть на представление в нем) смотрели как на «игрище». Одно из подобных, происходившее в Москве в конце 1740-х гг. на масленицу при катальных горах, описал современник: «<...> собрав до тридцати человек комедиантов, велел им представить на той горе о *царе Соломоне* [курсив мой – Л.С.] игру, при чем, были два шута. Между прочим, у того царя нарочно украдены были деньги, с коими пойман был суконщик [то есть работник суконной фабрики – Л.С.], который мною для того нанят был, за ту кражу к наказанию [то есть он согласился “сыграть” укравшего деньги и за это быть наказуемым – Л.С.]; для чего собрано было до 200 человек и поставлены были в строй, и каждому дано было по метле. Раздев того суконщика, надели на него деревенскую шапку, на шею галстук, на руки большие рукавицы, к спине привязали маленького медведя [вероятно, маленькую медвежью шкуру – Л.С.] и пустили тем строем до конца той горы, притом били в барабан; за майора правил суконщик Волк, который ездил на лошади и тех, стоящих в строю, принуждал. Реченный суконщик ходил взад и вперед шесть раз, избит был до крови, за что взял с меня один рубль денег да шубу новую»³³.

В Протоколах Полицмейстерской канцелярии зафиксирована и реакция окружающих людей – «зрителей» разбойных действий главных участников, подбадривающих не стражей порядка, а именно разбойников (как бывало на «игрищах» и «позорищах»).

Разбирательством жалоб людей, причастных к содержанию здания «Немецкой комедии», буквально пестрят Протоколы Московской полиции, обязанной «изыскивать истину». Но усилия её остаются априори безуспешными, так как задержанные для расследования произошедших бесчинств «люди хозяев» – их «холопы», не смеют свидетельствовать против господ своих, а избитые, запуганные и беззащитные потерпевшие – предпочитают отойти от дел, лишь бы остаться в живых (как Палм, отказавшийся продолжать бесполезную тяжбу).

Наконец, в декабре 1753 г. во время святочных представлений в театре «Немецкой комедии» произошел пожар (может быть, кем-то устроенный специально). Несмотря на то что здание не очень пострадало, и в нем продолжались на святки представления, императрица Елизавета, находившаяся в это время в Москве, решила жестко: «зделанную у Красных ворот от немецких комедиантов деревянную камедию, в которой сего декабря 26-го дня учинился пожар, после нынешних праздников

[то есть святок – Л.С.] сломать, а велеть построить в другом месте, по-неже на том месте быть ей неприлично и от пожарного случая опасно; а, между тем, в нынешние праздничные дни комедию производить в ней позволить»³⁴.

Театр сломали, и из документов выяснилось, что его последним владельцем являлся «здешний купец Алексей Андреев сын Носов <...> по отдаче от Московского магистрата, <...> которой [театр – Л.С.] ему достался от привилегированного комедианта Ягана Верцелиуса, за взятые у него им по векселю денги за тысячу рублей»³⁵. Взамен Носов получил земельный участок. К началу 1757 г. в Москве был выстроен новый «комедиальный дом» между Мясницкими и Покровскими воротами, «что у лесного ряду», но он уже не был «немецким».

Петер Гильфердинг – «имевший театральный псевдоним Панталон» и бывший «первым, кто привез в С-т Петербург достойную немецкую театральную труппу»³⁶, с начала 1750 г. в Северной столице завоевывал зрителей (в том числе и русских, среди которых с 1752 г., после вызова ярославских «охотников» ко двору, оказывался часто и будущий «первый русский актер» Ф.Г. Волков с братом Григорием). А московские «охотники» обживали новые «театральные» адреса по разным улицам в домах и палатах в Первопрестольной.

¹ Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны. Документальная хроника 1741–1750. Вып. 2. Ч. 1/ Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л.М. Старикова. М.: Наука, 2003. С. 665–668.

² *Зауэрвайд К.* Фрагменты к истории немецкого театра в С. Петербурге // Театральная жизнь... Вып. 2. Ч. 2. М.: Наука, 2005. С. 133.

³ Театральная жизнь ... Вып. 2. Ч. 1. С.671–677. № 595.

⁴ Там же. С. 38; С. 679. №597; С. 687. № 600.

⁵ Там же. С. 42–46; С. 813–826.

⁶ *Старикова Л.М.* Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л.: Наука, 1987. С. 153.

⁷ Театральная жизнь ... Вып. 2. Ч. 1. С. 820. № 734.

⁸ Это было самое театральное время – святки – с 25 декабря по 6 января.

⁹ Театральная жизнь ... Вып. 2. Ч. 1. С. 821. № 736.

¹⁰ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 455. Л. 86. Публикуется впервые.

¹¹ Театральная жизнь ... Вып. 2. Ч. 1. С. 824. № 738.

- ¹² *Старикова Л.М.* Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII в. С. 153.
- ¹³ Там же. С. 154.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 463. Л. 31. Публикуется впервые.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 5602. Л. 3. Публикуется впервые. Нужно сказать, что Киммерлингу не везло в Москве. Так он в 1740-е гг. купил в селе Покровском землю, на которой развел сад и выращивал спаржу и артишоки, которые подносил императрице. Но в 1749 г. этой землей завладел генерал Шепелев, и отстоять свое право на эту землю Киммерлинг не смог: РГАДА. Ф. XIV. Д. 124.
- ¹⁶ *Старикова Л.М.* Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII в. С. 155.
- ¹⁷ Там же. С. 155.
- ¹⁸ Второй гильдии купцы Алексей Носов и Сергей Григорьев: см. Сводку 1751 г.: *Старикова Л.М.* Театр и зрелища российских столиц в XVIII веке. Историко-документированные очерки. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2018. С. 266.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 471. Л. 161. Публикуется впервые.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 471. Л. 292. Публикуется впервые.
- ²¹ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 472. Л. 233 об.-234. Публикуется впервые.
- ²² РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 473. Л. 431. Публикуется впервые. В данном деле имеются более ранние Протоколы о том же на Л. 281–283; 398.
- ²³ *Старикова Л.М.* Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII в. С. 155.
- ²⁴ Там же. С. 156.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 481. Л. 308 об. Публикуется впервые. Прапорщик Фрибург был родственником Киммерлинга и, вероятно, были задеты какие-то семейные финансовые интересы.
- ²⁶ *Старикова Л.М.* Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII в. С. 156.
- ²⁷ В это время императрица Елизавета пребывала с двором в Москве и для нее была приготовлена ложа.
- ²⁸ Там же. С. 156–157. По всей видимости, Гильфердинг уже продал театр Верцелиусу.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 487. Л. 55 об. Публикуется впервые.
- ³⁰ Там же. Ф. 931. Оп. 3. Д. 469. Л. 304–306; еще один Протокол об этом: Л. 325. Считаю необходимым привести здесь данный документ: «1752 году марта 24 числа, вторник страстных недели. № 11. По делу

о содержащихся дому лейб гвардии сержанта князь Степана княж Андрея сына Борятинского <...> и дому подпоручика Сергея Лопухина <...> людей. По объявлению поручика Льва Лодыженского служителя ево Ивана Анисимова в том, что, как того Лодыженского и брата ево поручика ж Аполлона Лодыженского учителя француза Тири сего марта 18 числа били у бывшего артиллерии капелмейстера Франца Яковлева, кой живет в доме того князя Борятинского. То ко оному Францу Яковлеву в покой пришли объявленныя князь Борятинский да подпоручик Сергей Лопухин, и того учителя Тири, вытащив от того покоя капелмейстера Франца за волосы и втаща в покой того князя Борятинского, били, а потом секли батажем. И после того люди оногo князя Борятинского, потаща, бросили его в кухню. И чрез два часа, пришед в тою кухню объявленной князь Борятинской в сером бурлацком кафтане, взяв ево на плечо, потащил вон, и при том объявил, что он не князь, бурлак и фабричник с фабрики, и кнутом бил и, посадя в карету, и сам сел со обнаженною шпагою, и говорил ему, ежели он станет кричать, то он его заколет. А тот Сергей Лопухин в бурлацком же сером кафтана, вместо кучера сел на козлы и повез к себе в квартиру. И привезши в квартиру, ввели в покой и, оставя ево в том доме, уехали. А потом оной Лопухин с незнаемо каким человеком, приехал в тою ж квартиру в мундире афицерском и велел ево [то есть Тири – Л.С.] отвести в дом того Лодыженского. От которых де побои оной учитель Тири лежит при смерти <...>. А по допросам [далее в деле следуют допросные речи слуг этих господ, из которых, как и всегда, – никто ничего не видал – Л.С.] <...>».

- ³¹ *Сумароков А.П.* Письмо от 4 марта 1770 г. // Письма русских писателей. Л.: Наука, 1980. С. 139.
- ³² *Драмматический словарь или Показавния по алфавиту всех Российских сочинений...* М., 1787. С. А 3.
- ³³ Цит. по: *История славнаго вора, разбойника и бывшего Московскаго сыщика Ваньки Каина, со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом.* М., 1785. С. 57–59.
- ³⁴ *Старикова Л.М.* Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII в. С. 157–158.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 190. Л. 46.
- ³⁶ *Зауэрвайд К.* Указ. соч. С. 130.